

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

В. П. Лукьянин

ВЕРУЮЩИЕ И АТЕИСТЫ: ПОЛЕЗНОСТЬ ДИАЛОГА

Патовая ситуация

Начать придется с философских предпосылок.

В студенческую пору философия не была приоритетным направлением моих познавательных интересов (учился я на филологическом факультете), однако склонность додумывать зародившуюся мысль до логического конца начал ощущать в себе уже тогда. Случалось, что это создавало определенные затруднения при освоении мировоззренческих постулатов, сформулированных классиками и предлагаемых нашими наставниками в качестве неременной гносеологической основы любых умственных построений.

До меня, к примеру, никак не доходило, почему отношение сознания к материи, мышления к бытию высокоочтимые классики считают «великим, основным вопросом всей, в особенности новейшей, философии»¹. Если это так, думал я тогда (и сейчас думаю), то именно на этом рубеже должны кипеть главные мировоззренческие баталии. Но баталии кипели где-то в других местах, а тут, насколько я мог заметить, царило затишье глубокого тыла. Мало того, я и повода для жесткого противостояния на этом рубеже постигнуть не мог, поскольку нигде – ни у Платона, ни у Гегеля, ни даже у солипсиста Беркли – не находил признаков того криминала, который приписывался идеалистам в наших учебниках: будто бы они «отвергают существование материи до и независимо от какого бы то ни было сознания»². Да нет же, они вовсе не сумасшедшие, мир для них вполне реален, как и для любого из нас, – другое дело, что видим мы его, чувствуем и понимаем так или иначе в зависимости от того духовного потенциала, которым владеем. Это же так понятно: человек просвещенный и эрудированный видит в окружающем мире так

много деталей и оттенков, в то время как для невежд они просто не существуют. Зачем бы нам и учиться, если это не так?

Непонятным мне казалось и ленинское глубокомыслие, когда он пытался срезать своих оппонентов «каверзным» вопросом: «Мыслит ли человек при помощи мозга?»³ Ну, мыслит, и что же? Снимается вопрос о понятном инструментарии, с помощью которого перерабатываются «сырые» факты и впечатления бытия? Мысль Канта, от которой отталкивались «разоблачаемые» Лениным «махисты», выглядела куда как более понятной и плодотворной: человек воспринимает мир через призму своих понятий. Только надо было разобраться в закономерностях формирования и взаимодействия этих понятий, так этим же они, «махисты», и занимались! Потому-то их философские изыскания кровно интересовали ученых-естествоиспытателей (впрочем, и сами вожди критикуемого Лениным философского направления, как правило, были физиками, а не профессиональными философами); что же касается диалектико-материалистических догм, взятых будущим классиком под защиту, то они забывались советскими студентами тотчас же после сдачи экзамена по диамату – практической пользы от них не видел никто⁴.

Я понимаю (и тогда понимал), что и Маркса, а уж тем более Ленина интересовали вовсе не теоретические отвлеченности, а перипетии революционной борьбы, которую они возглавляли. Как заметил «основоположник», «философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его»⁵. Изменить! Такую жизненную установку у соратников и сподвижников действительно нужно было подкрепить не только лозунгами («Добьемся мы освобожденья своею собственной рукой!»), но и мировоззренчески, чтобы у них появилась уверенность: человек сам хозяин своей судьбы и волен перекраивать мир по своему разумению. Безусловно, эта позиция вступала в конфронтацию с привычной испокон веков точкой зрения: все, дескать, в Божьих руках и нечего вмешиваться в чужое дело. Вот с этим традиционным взглядом спорил Ленин, и потому столь яростные его нападки на фидеизм (он даже, по его словам, предпочел бы словечко «поповщина», да так было и написал в рукописи своего полемического трактата «Материализм и эмпириокритицизм», но, готовя ее к печати, все же заменил его менее экспрессивным термином исключительно по цензурным соображениям⁶). Что бы он сам ни говорил о предмете своих теоретических изысканий – судя по накалу полемической страсти и сгущению экспрессивной лексики, отнюдь не «основной вопрос» о «материалистах» и «идеалистах», а вот это стремление дискредитировать «поповщину», *a priori* вывести ее за рамки теоретического анализа, представив ее заведомой ложью и обскурантизмом, составляло истинный пафос его трактата, игравшего в течение семидесяти лет роль Главной Книги нового, революционного мировоззрения.

Но подмена вопроса о вере и безверии вопросом о первичности сознания или материи фактически означала уход от сути проблемы. Ибо придавать первостепенное значение в познании чувственному опыту или искать априорные формы мышления можно и будучи убежденным атеистом, и на основе религиозной веры; вопрос же о Боге – совсем другой вопрос. Ответить на него пытались многие мудрецы и ученые в разные века – убедительной системы доказательств бытия Бога не предъявил никто. Но никто не предъявил и убедительного опровержения! Сторонники той и другой

позиции тшятся зачислить этот факт в свой актив, но всякий раз получается очевидная натяжка: недоказанность своих постулатов одной стороной вовсе не означает правоту другой стороны. Патовая ситуация.

У кромки берега, по колена в воде

Есть, оказывается, вопросы, на которые человечество не могло прежде, не может сейчас и, думаю, не сможет никогда дать убедительные ответы!

Скептик скажет: ну, этого тоже нельзя доказать! – и по-своему будет прав. Но все же я имею возможность хотя бы подкрепить свое утверждение некоторыми очевидностями, во всяком случае, не менее убедительными, чем все эмпирические доказательства или опровержения бытия Бога.

Что я имею в виду?

Прежде всего, неисчерпаемость непознанного. Поясню: человечеством накоплены монбланы информации, по сравнению с которыми интеллектуальный багаж отдельно взятого – пусть даже феноменально осведомленного – эрудита покажется малой песчинкой. А между тем, как утверждают историки науки, объем знаний, которыми располагает человечество, удваивается то ли за каждые пятьдесят, то ли даже за каждые десять лет! (Разброс мнений отражает, вероятно, различие методик подсчета.) И нет никаких признаков того, что сейчас область непознанного уже исчерпывается и процесс этот замедляется. Если хотя бы по публикациям в средствах массовой информации следить за развитием событий, то впечатление складывается прямо противоположное.

Но не только за горизонты познанного отодвинута сложность мира: казалось бы, на самой поверхности очевидного происходит взаимодействие простых вещей, а поди-ка разберись, какие неожиданности таятся в динамике их сцеплений! Психолог и философ У. Джеймс утверждает, что отнюдь не все связано со всем. Глупо, дескать, отрицать существование в мире никак не связанных друг с другом явлений: «Мой карман не находится ни в какой связи с банковским счетом м-ра Моргана, а намерения короля Эдуарда VII никак не связаны с данной книгой»⁷. Так-то оно так, но, с другой стороны, вы ведь помните, как Аннушка разлила масло, а собрание в МАССОЛИТе по этой причине не состоялось? А еще замечательно выразительную ситуацию смоделировал писатель-философ Р. Брэдбери в рассказе «И грянул гром»: его герой, отправившись на машине времени в доисторическое прошлое, случайно наступил там башмаком на бабочку и тем самым изменил ход политических событий в ХХI веке.

Чему вы больше склонны поверить: остроумным доводам философа или изобретательным образным конструкциям писателей? Ни те, ни другие не содержат прямых доказательств, они лишь апеллируют к вашему опыту и к вашему образу мыслей. Ваше предпочтение неизбежно будет субъективным – в зависимости от того, как то или иное мнение «на душу ляжет». Но при этом, чью бы сторону вы ни приняли, доказательно обосновать свою позицию тоже не сможете, потому что основания для логических построений теряются здесь в непроглядном частокоче локальных связей.

Так что, с какой стороны ни взгляни, доля познанного человеком – ничтожно малая крупница в сравнении с непостижимым в своей сложности миром, который, конечно же, не прячет от нас своих тайн, но... Это при-

мерно так же, как океан не закрывает своих просторов для мелкой рыбешки, плещущейся в его прибрежных водах.

Впрочем, лучше если вы не станете напрягать воображение, представляя себя какой-нибудь корюшкой или хамсой, а попытаете увидеть ситуацию в более реальном преломлении: вы стоите по колена в воде у самой кромки океанского берега, догадываетесь, что впереди, за линией горизонта, тысячи миль водного пространства, таящего в себе и подводные рифы, и многокилометровые бездны, населенные неведомыми чудищами, и «бермудские» водовороты, и коварные течения. И вам туда, в это опасное пространство, предстоит плыть...

Древние мореплаватели признавали в море-океане могучего и жестокого, но разумного партнера, с которым стремились наладить деловые отношения: изучали ритмы его жизни, его нор и повадки, стремились не вызывать неугодными поступками его гнев и пытались расположить его к себе жертвоприношениями и молитвами. Вряд ли океан их понимал, вряд ли ценил их дары и внимал их просьбам, но уж они-то сами точно знали, что сделали все, как надо, а потому наверняка услышаны. Это их психологически поддерживало, придавало решимости и вселяло надежду, а «опыт, сын ошибок трудных», извлеченный из предыдущих столкновений со стихией, подсказывал правильные решения в критических ситуациях. Мало-помалу накапливался навык судовождения – и пугающая стихия на самом деле становилась все более к ним благосклонной.

Для современного моряка грозный Посейдон (он же Нептун) – всего лишь сказочное существо, традиционный участник веселых карнавалов на воде. Морские пути давным-давно изучены и нанесены на карты, шторма и штили просчитаны синоптиками на много дней вперед, а суда оснащены надежным навигационным оборудованием. Но даже и сегодня безбрежный простор таит в себе неисчислимые тайны, чреватые смертельными опасностями, а профессия моряка, говорят, как никакая другая, побуждает к суеверию.

В современных словарях выражение «море житейское» приводится с пометками: «книжн., устар.». Думаю, устарело оно не по смыслу, а лишь оттого, что в наш прагматичный век, с его культом науки и «компьютерного» мышления, люди стали редко задумываться о трагической бездне непознанного, открывающейся пытливому разуму сразу за гранью какой-нибудь там 30-мегабайтной компьютерной памяти. Мы балансируем на этой грани, и все наши априорные категорические суждения о «море житейском» отражают не подлинные тайны его Маракоттовых бездн, а лишь наше невежественное самомнение. Нам неведомо его происхождение, от нас глубоко скрыт смысл его существования (если вообще позволительно говорить о таковом), нам не дано понять, откуда приходят и куда уходят его волны, почему вдруг порой возникает разрушительный шторм, разбивающий в щепки корабли судеб, а в другое время лишь легкий попутный ветер наполняет паруса...

Вы можете объявить себя сторонником идеи всепроникающего разума или, напротив, агностиком – ситуация от этого никак не изменится: в безбрежном житейском океане нам с вами приходится плавать почти наугад.

Право на свое мнение?

«Почти» – оговорка принципиальная, но об этом чуть позже. Сейчас же хочу подчеркнуть, что фатальный разрыв между знанием и незнанием – не повод для спекуляций праздного ума, а реальная проблема на каждый день и на все времена. Ведь что получается: я (вы, он, она, они) знаю об окружающем мире «от сих до сих» и поступаю сообразно своим знаниям, т. е., как принято считать, «разумно». А мир решительно не принимает в расчет ограниченность моих знаний о нем и на каждое мое действие, на каждый поступок отвечает всей недоступной разуму полнотой своей сути. Поэтому почти никогда мое действие не приводит к тому результату, к которому я стремлюсь. Порой вроде бы получается и так, да все равно что-то не так, а нередко бывает, что результат оказывается чуть ли не противоположным ожидаемому. Эта странная (но только на поверхностный взгляд!) закономерность и запечатлена в известной сентенции о том, что благими намерениями вымощен путь в ад.

Наверно, не отыскать в истории такого философа, который бы не расшибал свой лоб о твердыню этого гносеологического барьера, отделяющего – что от чего? Истину от заблуждения? Но вопрос об истине тут просто неуместен из-за принципиальной ограниченности наших знаний. Нет, тут всякий раз – только мнение, основанное на житейском опыте, доказать или опровергнуть которое равно невозможно. Но значит ли это, что ни сравнению, ни оценке оно не подлежит? Похоже, что именно такой точки зрения придерживается господствующая нынче в России либерально-рыночная идеология, принимающая за аксиому, что каждый имеет право на свое мнение, даже «на свою ошибку». Формально возразить тут что-нибудь трудно, однако нельзя не обратить внимание на то, что любой преступник действует отнюдь не вопреки своему мнению. Для себя, любимого, у него всегда найдется оправдание. Но если та же идеология признает за обществом право судить преступника, приговорить его к той или иной мере наказания, то тем самым она признает и неравноценность мнений. Неравноценны они не только перед законом (который ведь тоже устанавливается людьми на основе признанных норм поведения), но и по отношению к некоему порядку вещей, существующему в мире. Этот порядок вещей (какова бы ни была его природа) признается большинством общества, что имеет для общества большое организующее значение. Кто-то, реализуя свое «право быть самим собой», решаете ему не подчиниться – но тем самым он посягает на права других людей, и общество вправе его осудить или даже наказать.

Ах, как важно знать бы этот порядок! Ведь производными от него являются и нормы человеческого поведения, и юридические установления, и критерии оценки всего спектра мнений свободных граждан свободного общества, каждый из которых считает, что прав именно он, а те, кто с ним не согласен, ошибаются. Другими словами, все то, что, развивая предложенный ранее образ, можно было бы назвать искусством навигации в «море житейском». Но вот беда: об этом «море» мы и по сей день знаем не намного больше, чем древние греки о царстве Посейдона. Таким образом, конечно, абсолютный объем знаний возрос неизмеримо, только ведь каждый полученный ответ порождает множество новых вопросов, к тому ж и сама жизнь усложнилась – не сравнить с «детством человечества». Вот и мечется

смятенная мысль, как мышь в мышеловке: с одной стороны, расшифровав геном человека, ученые вроде бы уже совсем готовы программировать младенцев с заранее заданными свойствами (хоть вам нового Пушкина, хоть Эйнштейна), но, с другой стороны, извлекли из архивной пыли и паутины астрологию, оккультные науки, вновь изобрели дианетику, валиологию, торсионные поля – что там еще? Создается впечатление, что казавшийся еще вчера всемогущим разум капитулировал перед предрассудками, суеверием и обыкновенным шарлатанством.

Можно сказать, что все общественные силы – традиционалисты и новаторы, созидатели и разрушители, нарождающиеся и отживающие. ответственные и безответственные – столкнулись между собой в отношении к этому порядку. В проблематике их (впрочем, почему «их»? Наших!) споров легко просматриваются три узла: кем и с какой целью этот порядок создан? В какой мере он универсален? Вправе ли (и в силах ли) мы пытаться как-то изменить этот порядок?

Две мировоззренческие гипотезы

Самый «безнадежный» из этих вопросов – безусловно, первый. Проникнуть в тайну рождения океана (даже и в прямом, а уж тем более в переносном смысле), «стоя по колена в воде», невозможно «по определению!» Ситуацию не могут прояснить ни астрономические наблюдения, ни находки палеонтологических экспедиций, ни ссылки на Священное Писание, непререкаемо авторитетные для верующих, но ни в чем не убеждающие атеиста. И даже опыт «плавания» по «морю житейскому», столь важный для разрешения многих других загадок бытия, в данном случае несколько не помогает. Все существующие варианты ответа на этот ключевой вопрос суть мировоззренческие гипотезы, сопоставлять которые можно не по степени их достоверности (ибо для того нет надежных оснований), а лишь по их отношению к тем прагматическим социальным целям, которым, собственно, и призвано служить мировоззрение. Речь может идти о систематизации знаний и опыта, о постановке новых проблем и о поиске путей к их решению, о выработке жизненной позиции и т. д., и т. п.

Основных гипотез наблюдаемого нами мирового порядка существует две. Согласно одной из них, религиозной, – исторически более ранней, но и по сей день пользующейся самым широким признанием в мире, – все сущее сотворено Богом и, соответственно, интересующий нас порядок вещей – это порядок, установленный Богом, божественный порядок.

Популярность религиозной гипотезы объясняется, на мой взгляд, многими причинами. Прежде всего, пожалуй, ее долговечностью. С истиной, которую признавала таковой бесчисленная череда сменившихся друг друга за тысячелетия поколений, спорить трудно.

Еще труднее отделаться от впечатления, что мировой порядок, который она признает божественным, на самом деле поразительно мудро организован. Мудрость можно усмотреть даже в том, что нам дано эту организованность воспринять и оценить, однако при этом мы отчетливо сознаем, что уровень организованности мироздания неизмеримо выше творческих возможностей человека.

Мудрость мироустройства нашла продолжение в мудрости житейской, которая запечатлена в текстах священных книг всех религий. Сюжеты этих книг учат ориентироваться в бесконечном разнообразии жизненных коллизий, в которых случается оказаться каждому человеку (потому-то ими вдохновлялись художники всех эпох), типы представленных там человеческих характеров по своей масштабности и выразительности могут стоять, по крайней мере, в одном ряду с наиболее значительными образами мировой литературы, а нравственные сентенции содержат предельно емкие и точные формулы оценки всех разновидностей и оттенков человеческих нравов и поступков.

Впечатляет также устойчивость этого порядка: дерзким или безотчетным попыткам нарушить его нет числа, но в конце концов все возвращается, как сказано в древнейшей Книге, «на круги своя».

Решусь, наконец, утверждать, что в нашей стране свою лепту в популяризацию религиозной гипотезы сотворения мирового порядка парадоксальным образом внес и советский «научный атеизм». Его аргументы, как правило, были настолько формальными (т. е. не рассчитанными на критическое осмысление, не предполагавшими возможность возражений) и настолько явно не затрагивали существо проблемы (подобно тому, как «била мимо» и ленинская полемика с «махистами»), что взыскующих истины отроков (как, впрочем, и наставников их) это не только ни в чем не убеждало, но даже и провоцировало повышение интереса к «запретному плоду». К тому ж атеизм назывался «научным» и, стремясь поддерживать это реноме, старался подкреплять свои доводы ссылками на истины, точно установленные учеными-естествоиспытателями, а между тем ни для кого не было особым секретом, что как раз те самые ученые – физики, биологи, математики, астрономы – «научный атеизм» не очень-то жаловали, а иные особо почитаемые светила науки позволяли себе быть людьми религиозными. Создавалось впечатление, что научные аргументы, убедительные сами по себе, к религиозной вере прямого отношения не имеют.

И еще одно обстоятельство побуждало многих склониться к религиозной гипотезе происхождения мирового порядка: выглядит очевидной и бесспорной его социальная целесообразность. Кажется, первым, кто совершенно сознательно предпочел религиозную точку зрения атеистической, исходя именно из признания ее социальной целесообразности, был Вольтер. Его аргументация (в статье «Атеизм» из его «Философского словаря») выглядит достаточно циничной, но не лишенной рационального смысла: «В каждой стране народ нуждается в том, чтобы его как можно больше обуздывали. И если б Бейлю⁸ пришлось управлять пятью или шестью сотнями крестьян, то он бы преминул бы объявить им, что существует вознаграждающий и мстящий Бог». Философ приводит еще несколько доводов того же порядка и завершает рассуждение одним из самых известных своих афоризмов: «Если бы Бога не было, его бы следовало выдумать».

Отчасти признавая обоснованность этих доводов, другой известный француз – биолог и философ Феликс Ле-Дантек (1869–1917), ученик Луи Пастера и Мечникова – уже в начале XX века писал: «Когда дело идет о социологии, я охотно стал бы верующим, чтоб спорить с атеистом»⁹. Правда, на деле в своей скорее остроумной, нежели глубокой, книге он спорит все же с верующими, однако оговаривается: «... Вера в личного Бога является большим удобством для создания общественных законов. Ничто

так легко не усваивается людьми, как необходимость повиноваться кому-то очень сильному, способному без снисхождения наказать за всякое проявление неповиновения»¹⁰.

Конечно, Ле-Дантек был склонен упрощать (это отличало его и как ученого-биолога). В данном случае ему следовало бы принять во внимание не только, скажем так, понуждающую роль религии, но и организующую, мобилизующую, терапевтическую, если угодно, психологически-компенсационную ее роль... Проще говоря, благодаря религиозной вере, человек духовно вписывался в установленный «не нами» и завещанный нам предками порядок, «каплю лился с массою». Соблюдение и защита установленного свыше порядка формировали его гражданское чувство; господство этого порядка он воспринимал как условие стабильности общества и государства, а чьи-то посягательства на этот порядок (извне или отечественных маргиналов) расценивал как выпад против себя лично, а потому призыв «За веру!» спланивал соплеменников в едином порыве лучше всех иных патриотических факторов.

При столь очевидных достоинствах религиозная точка зрения на происхождение и сущность мирового порядка, казалось бы, должна исключить самую возможность иных подходов. А между тем противников у нее в разные времена тоже было немало, и я никак не согласился бы всех их огульно назвать разрушителями, врагами порядка. Основательность их доводов тоже вызывает уважение.

Прежде всего, говоря о долговечности религиозной точки зрения, было бы несправедливо не заметить, что объясняется она в значительной мере действием достаточно жестких механизмов подавления инакомыслия. Факты, подтверждающие эту мысль, достаточно хорошо известны и не отрицаются церковью всех конфессий (ибо без подобного механизма не существует ни одна из них), поэтому я ограничусь лишь кратким замечанием из предисловия Вал. Рожицына к русскому изданию книги Ле-Дантека: «Нет ничего опасней для религии, чем история религии»¹¹.

Что касается мудрости мироустройства – тут тоже не все однозначно, особенно если дело касается человеческих судеб. Слишком много горя в «хорошо организованном» мире, слишком много насилия и крови, и слишком мало все это укладывается в рамки понятия о справедливости, которое ведь тоже, если верить религиозной доктрине, составляет неотъемлемую часть установленного свыше порядка. Конечно, можно утешиться мыслью, что сверху оно виднее: Бог дал – Бог взял, и воля Его неисповедима. Но в таком случае получается, что вера не направляет мысли и поступки человека в русло предначертанного порядка, зависимость между образом жизни и дарованной свыше благодатью становится весьма избирательной и по сути произвольной, а вера – слепой и эгоистичной (только бы спастись самому!), социально бесплодной.

И мудрость, запечатленная в текстах священных книг, отнюдь не всегда последовательна: тут и смирение, и «око за око», «не мир, но меч»; благостная терпимость к заблуждающимся – и громы небесные на головы сомневающих и инакомыслящих... Можно отыскать варианты на любую потребность – практично, удобно, но тогда – как строить жизнь по вере?

Вера – источник гражданского единения и социальной стабильности, тут надо согласиться; но ведь она же и опасный катализатор социальных конфликтов и религиозных войн!

Вера учит уважать заветы предков, но не слишком ли нетерпима (пока у нее есть возможность влиять на события) ко всему, что знаменует научный, технический и социальный прогресс? И в самом церковном обиходе так много архаики, пришедшей невзвест из каких древних веков, – и одежды, и раболепные речи, и земные поклоны, и целование рук, и титулы, напоминающие о Средневековье...

Непрост и не однозначен давний вопрос о соотношении веры и науки – на этом стыке ведь и зародился атеизм как мировоззрение. Да, многие видные ученые были (есть и сейчас таковые) людьми верующими. Но давно замечено: утверждение, что ученый верит в Бога, не равнозначно утверждению, что наука признала Бога. Между тем за все столетия, прошедшие с тех пор, как наука обрела статус особой формы общественного сознания, не было, насколько мне известно, зафиксировано ни одного случая, когда бы в систему научных доказательств было включено понятие Бога. Возможно, попытки это сделать и случались, но такая «методология» автоматически выводила интеллектуальное построение, претендующее на признание в качестве теории, за пределы науки.

Тогда как прикажете объяснять религиозность некоторых ученых?

А вот тут как раз никакой загадки и нет. Проблемное поле каждой науки достаточно четко ограничено ее предметом, между тем как корни любой проблемы уходят далеко в область непознанного (напоминаю про очерченный выше образ океана и людей, стоящих у берега по колена в воде). В тех границах, где ученый выступает как специалист в конкретной области науки, к категории Бога он не обращается никогда, но как только оказывается за пределами своей научной компетенции – тут ему открывается непостижимо сложный, несоизмеримый с творческими потенциями человека мировой порядок, который объяснить рационально он не может, по крайней мере, за недостатком информации. Как ему повести себя в этой ситуации? Можно, конечно, перешагнув пограничный рубеж, углубиться в изучение этих коварных дебрей, из которых нет выхода, – так великий Эйнштейн безнадежно углубился когда-то в теорию единого поля... Но проще, спокойнее и даже, если хотите, продуктивнее назвать этот порядок творением Бога и таким образом захлопнуть перед собой манящую и запретную дверь...

Таким образом, практически все доводы в пользу религиозного объяснения мирового порядка достаточно легко – не опровергаются, нет! – достаточно и того, что ставятся под сомнение. Из этого обстоятельства еще не вытекает с логической непреложностью атеизм, он только допускается.

А действительная надобность в нем возникает тогда, когда признание незыблемости установленного свыше мирового порядка становится тормозом назревшего движения в познании или социальном развитии. Атеизм трактует мировой порядок как естественный порядок вещей, открывает двери в запретное, духовно раскрепощает человека, повышает его самосознание, расширяет палитру чувств, стимулирует творческий поиск.

Существует представление, будто атеизм неизбежно становится причиной нравственного нигилизма и вседозволенности. В России его обычно подкрепляют ссылкой на Достоевского: «Бога нет – значит, все дозволено». Но эта фраза – из того же ряда, что и его же «Красота спасет мир», горьковская «Человек – это звучит гордо», булгаковская «Рукописи не горят» и т. п. В подобных случаях мы имеем дело с феноменом «красивой

фразы». Суть его в том, что мысль, заключенная в «красивой фразе», воспринимается как истинная независимо от того, есть ли на самом деле объективные основания признать ее таковой. Достаточно того, что фраза «красива» (т. е. свежа по мысли и слову, точна, выразительна; никакого иронического оттенка – вслед за тургеневским героем – я в это понятие в данном случае не вкладываю). Таким образом, логика поиска истины подменяется эстетическим впечатлением. Но это, подчеркиваю, вовсе не фокуснический трюк, с помощью которого недобросовестные авторы манипулируют читательским мнением, а проявление фундаментального свойства литературы как вида искусства и неперенный компонент литературного образа – иначе чем вы еще объясните, что хорошо написанный текст вас убеждает, даже если содержание его откровенно «придуманное», а текст, написанный плохо, сам опровергает свое содержание, даже если оно «списано с натуры»?

«Красивую фразу» сразу и безоговорочно принимают за истину те читатели, в чью привычную систему представлений она по смыслу вписывается. Но критического анализа, даже самомалейшего скепсиса, она, как правило, не выдерживает. Что значит – «рукописи не горят»? Тогда извольте предъявить нам хотя бы второй том «Мертвых душ». А так ли уж гордо звучит «человек», если, к примеру, он – деградировавший бомж или дебильный персонаж очередного рекламного ролика? Не подтверждается реальным опытом и утверждение о спасительной силе красоты, на деле едва ли не наоборот: красота погибает первой...

Вот и про «все дозволено» – не более чем фраза. На самом-то деле от вседозволенности человека предостерегает не Бог, а воспитанность, чувство долга, ответственности, самоуважение, честь, совесть, стыд, наконец. Вся гамма нравственных чувств (на самом деле она, конечно же, намного шире, чем я ее здесь представил) может, безусловно, восходить и к религиозному чувству, но все же она богаче и ярче, если опирается не на «богобоязненность» (или контроль извне в любой иной форме), а на ощущение своей кровной связи с тем человеческим сообществом, к которому мы принадлежим.

Я, конечно, не рассчитываю, что с последним утверждением сразу и безоговорочно согласится человек религиозный, но могу ли я хотя бы надеяться, что он станет уважать мое право иметь мнение, отличное от его мнения? Иначе «цивилизованный» разговор у нас не получится.

«И с мест они не сойдут»?

Боюсь, однако, что люди религиозные слишком убеждены в своем монопольном праве на истину, чтоб согласиться обсуждать с оппонентом иную точку зрения. Впрочем, не только религиозные. Ле-Дантек справедливо считает (протицирую его еще раз), что тут причина в особом устройстве человеческой психики: «Очень трудно для человека, действительно проникнутого определенными понятиями, отвлечься от них и становиться на чужую точку зрения. Для этого надо было бы, чтоб верующие люди при суждении о безбожнике могли забыть, что они верующие, а безбожники отказывались бы от своего безбожия при обсуждении ценности веры. Но это не только трудно, – это просто

невозможно, потому что и у тех и у других вера и неверие образуют часть их мыслительного механизма»¹².

Но дело, я думаю, далеко не только в устройстве психики и даже не в теоретических нюансах: на рубеже веры и безверия, мало того – на стыке разных направлений в границах самой веры сталкиваются миры! Поэтому в Средние века «теоретические ошибки» исправляли, сжигая еретиков на кострах (в России раскольники сами себя сжигали), а в советские времена разрушали и оскверняли храмы, уничтожали священнослужителей. И даже «буржуазному атеисту» Ле-Дантеку, издавая перевод его книги, воинствующие атеисты предъявляли (вдогонку: его уж не было в живых) претензии по поводу излишней интеллигентности и мягкости, когда он спорит со «злейшим врагом».

Когда-то Киплинг поэтически убедительно (вспомните о «красивой фразе») сформулировал известный постулат о фатальном противостоянии Запада и Востока. Но кажется, что формула эта еще больше подходит для того, чтоб выразить характер отношений между религией и атеизмом. «И днесь, и присно, и во веки веков».

Про вчерашнее нет нужды напоминать – оно еще у всех свежо в памяти. Ну, а сегодня уже новые идеологи с безапелляционностью доцентов от марксизма (и столь же бездоказательно) заявляют о религиозном чувстве как о «неотъемлемой части человеческой природы», говорят, как о деле совершившемся, о «крахе безрелигиозного атеистического гуманизма», о «завершении эры атеистического гуманизма», в доктринальном тоне выражают требование: мол, «каждая личность с самого начала своего жизненного пути должна иметь возможность получить знание о Боге»¹³. Стало быть, вводите преподавание Закона Божия в общеобразовательной школе...

«...В России происходит религиозный ренессанс»¹⁴ – этой цитатой из речи на представительном собрании выражено согласное мнение многих. Ну, по моим впечатлениям – скорее имитируется, нежели реально происходит, однако церковь в современной России, несомненно, вышла из-за кулис на передний план общественной жизни – кто с этим станет спорить?

Объясняется это рядом достаточно очевидных причин, они обсуждаются. Называют «кризис саентистской научной картины мира»¹⁵ – вероятно, далеко не самая главная среди них. Я-то даже и о кризисе не решился бы говорить: то, что заскучавшего обывателя потянуло на чудеса и суеверие, ни на физиков, ни на биологов особо не повлияло. Разве что науки об обществе и человеке испытывают понятные затруднения из-за социальных перемен, происшедших в мире. Еще говорят о «чувстве пустоты и господстве цинизма»¹⁶ после крушения идеологии, под воздействием которой формировалось у нас несколько поколений, – вот это на самом деле очень важное обстоятельство. Но, по-видимому, еще важнее политическая конъюнктура, которая побудила руководящих деятелей атеистической идеологии вчерашнего дня взять в руки свечи и предстать перед телекамерами в храмах во время многолюдных богослужений. (Кстати, в последнее время такие картинки на телевидении стали появляться реже: видимо, «неофиты» стали догадываться, что слишком быстрая «смена вех» окрашивает их имидж не в те тона...)

А между тем причины, которые склоняли некоторых ученых и философов к атеистическому мировоззрению не «при большевиках», а еще в прошлые века, никуда не исчезли. Развивается наука (начался век эпохальных

открытий в биологии, которые опять не нравятся церкви), революционные процессы происходят в сфере обмена информацией, размываются границы между национальными культурами (не думаю, что это хорошо, но шлагбаум тут не поставишь)... На фоне этих процессов монастырское уединение (более мнимое, нежели реальное), «молитвенные подвиги», архаичные обряды и прочие черты церковной (особенно православной) жизни выглядят откровенно анахроничными. И уже не от атеистов, а из среды сочувствующих – тех, кто видит в религии общественный институт, предназначенный заботиться о нравственном здоровье общества, – можно услышать суждения в таком роде: «Очень боюсь – а хотел бы ошибиться, – что российское православие застряло где-то в пятнадцатом веке»¹⁷.

Поэтому «киплинговский» вопрос о взаимоотношениях между религией и атеизмом отнюдь не отменен. Он будет возникать вновь и вновь, как это уже не раз случалось в истории, и так же, как раньше, периоды относительного господства одного мировоззрения будут сменяться видимостью (увы, только видимостью!) победы другого. Как показывает исторический опыт, поспешные заявления об «окончательной победе» над конкурирующим мировоззрением – признак исторического невежества и недалекости заявителя, а надежда воспользоваться благоприятной конъюнктурой, чтоб «дожать», извести противника, – ничем не оправданная самонадеянность.

Общий интерес

Конфронтация здесь – путь заведомо тупиковый, и даже простой «пакт о ненападении» был бы для общества намного продуктивней и полезней, хоть «воинствующего безбожия» советских времен, хоть нынешнего «религиозного ренессанса». Но «мирное сосуществование» при внутреннем неприятии друг друга – конструкция очень непрочная, чреватая разрывами и распадами в силу непредсказуемых причин. Между тем демократическое общество, о строительстве которого пекутся нынешние российские идеологи, предполагает все-таки не византийскую систему «сдержек и противовесов» во вкусе Ельцина, а объединение усилий свободных граждан, чьи взгляды, позиции, притязания в принципе могут существенно расходиться в направлении общих – на данный момент – интересов. Потом, по достижении некоторой объединяющей цели, непременно откроется возможность нового сближения. Вот на таком демократическом принципе возможно – не сомневаюсь! – и эффективное, плодотворное сотрудничество между извечными оппонентами – атеистами и верующими. Сотрудничество для пользы тех и других, а главное – общества.

Абсолютным и прочным основанием для него может быть признание того неоспоримого и ни от каких мировоззренческих установок не зависящего факта, что пред «морем житейским», а говоря точнее, перед океаном непознанного все мы на равных – «стоящие по колена в воде».

Нет смысла чрезмерно увлекаться спором о том, создан ли тот океан в первый день творения напряжением воли демиурга или же явился результатом длительной естественной эволюции вселенной. Достигнуть согласия по этому вопросу у нас нет никаких шансов, так стоит ли педалировать конфликт мировоззрений? Тем более что существование красивой библейской

легенды никак не мешает ученым заниматься развитием своих гипотез, а богословам – искать новые оттенки иносказательного смысла в содержании этой легенды. Обойти это опасное место стороной тем легче, что современная церковь в споры с естественными науками предпочитает не ввязываться, а ученые не находят нужным обращаться за подкреплением своих гипотез к Священному Писанию. Параллельные миры! И от того, что мы согласимся с тем или другим постулатом, морские мили, фигурально выражаясь, не станут короче, а волны, так сказать, покладистее.

Иное дело – искусство навигации по «житейскому морю». Тут мало что зависит от гипотез и теорий: мы живем и накапливаем навык жизни. Примерно так же, как во младенчестве учимся ходить, держать ложку и вилку, а потом плавать, ездить на велосипеде. При этом мы воспринимаем мир нерасчлененно; при езде на велосипеде, например, не задумываемся, в какую сторону наклонить туловище, а в какую поворачивать руль, когда жмем на педаль левой или правой ногой. А задумаемся – так непременно врежемся в столб или упадем в кювет.

Примерно так же обретает и накапливает навык социальной жизни и любое более или менее организованное сообщество людей. Отсюда – традиции, обычаи, ритуалы, нравы, весь привычный уклад жизни. Благодаря им и живем мы (при всей малости своих знаний об окружающем мире) все-таки не наугад (помните мою оговорку насчет «почти»?) Откуда весь этот арсенал житейских правил берется и как складывается – почти так же уму непостижимо (ибо скрыто в туманной мгле предистории), как скрыто и непостижимо само возникновение жизни. Даже у самых архаичных племен, изученных историками и этнографами, навык социальной жизни не выглядит становящимся – напротив, он поражает замысловатой сложностью итога, который даже не отработан, а отшлифован до мелочей настолько, что за ним угадываются тысячелетия. При этом он весьма далек от голого прагматизма: многие его черты с точки зрения практической целесообразности непонятны, необъяснимы, порой причудливы, иногда очевидно неудобны (вроде кольца в носу или палочки, пронизывающей губу), тем не менее все тут значимо, важно и неукоснительно соблюдается теми, кто причастен и посвящен: к тому побуждает множество недоступных нашему разумению причин.

А вот общества, называющие себя цивилизованными, с более развитым самосознанием над своим традиционным укладом жизни задумываются, смело объявляют его несовершенным и даже пытаются по своему разумению улучшить. «Стоящие по колена в воде» социологи и политологи, революционеры, реформаторы, перестройщики и прочие социальные конструкторы и лекари предлагают упразднить те или иные социальные институты, отказать от «изживших себя» условностей, упростить нравы. Бывает, что целые эпохи устремляются по пути обновления, достигая при этом впечатляющих успехов (взять хотя бы европейский Ренессанс, Просвещение, Великую Французскую революцию, да хоть бы и наш Октябрь)... Но вот что удивительно: рано или поздно наступают разочарование, откат, возвращение (насколько удастся) к традиционным ценностям и нормам. Выходит, что-то было не предусмотрено, не додумано, не учтено перестройщиками – а в результате непредвиденным образом сработал тот самый безбрежный массив непознанного, существование которого радикально корректирует наши взаимоотношения с окружающим миром.

Позволю себе провести еще и такую аналогию. Представьте себе, что в умеренных широтах люди построили красивый и уютный город. Город развивается, растет число его жителей, все шире раздвигаются кварталы, и наступает момент, когда ему уже становится тесно в первоначальных границах. В каком направлении вести застройку дальше? Здесь промышленная зона, там пашни, тут лесопарк. Ах, да вот же: за ближайшей окраиной находится большое непроходимое болото – кочки да ржавая вода, редкие кустики да чахлые деревца, пугливые лягушата да бойкие кулики. Что с него пользы? И вот подтягивают мощную технику – роют, равняют, выкорчевывают. Словом, болото осушают, площадку выравнивают и застраивают большими домами, прокладывают асфальтовые дороги и просторные тротуары – красота! Цивилизация победила на еще одном участке суши!.. Ан нет – победить-то победила, да победа получилась Пиррова. Что-то непоправимо изменилось в мире: пропали родники в окрестных лесах, высохли ручьи, обмелела текущая через город река, поредели скверы, жестче стал летний зной и колючее зимние ветра. Бабушки с внучатами не засиживаются на бульваре, спешат домой, жалуются: дышать нечем. Внучата все простужаются да кашляют... В общем, не тот стал город.

Не пытайтесь распознать приметы: история моя не привязана к конкретному населенному пункту. Подобные примеры давно уже стали общим местом в популярных книгах по экологии. Прагматизм «цивилизации» разрушает экосистемы, наращивание объема «индустриальных» благ неуклонно ведет к тому, что природная среда становится все менее пригодной для обитания человека. Чтобы замедлить этот процесс, люди пытаются установить барьеры человеческой алчности и корысти: берут под защиту такие же вот «бесполезные» болота, устраивают биосферные заповедники, налагают запреты на хозяйственную деятельность там, где есть опасность нанести непоправимый вред экосистеме, отводят водоохранные зоны по берегам озер и рек. Принцип этих действий (увы, все-таки малоэффективных из-за их половинчатости и непоследовательности) достаточно очевиден: чтобы природная среда оставалась пригодной для человека, надо в нее не вламываться по-носорожьи, а осторожно и с оглядкой встраиваться, как можно меньше затрагивая течение естественных процессов.

То же самое нужно сказать и о не поддающемся осмыслению в своей сложности мире, который я здесь очень условно обозначил старинным выражением «море житейское». Вламываться в этот мир со своими прагматическими представлениями о «замшелых» традициях и обрядах, нормах и привычках, пренебрегать «условностями», усложняющими отношения между людьми, – это ровно то же самое, что осушать болото, поддерживающее баланс экосистемы в обширном регионе: добра от такой «мелиорации» не жди!

К сожалению, нынче катастрофически растет число людей (в основном за счет молодежи), которые не понимают этой простой истины. Прагматизм (часто именно он же имеется в виду, когда произносится рекламное словечко «профессионализм»), «компьютерное мышление» подаются как стандарты современного стиля работы и жизни, а ведь в основе этих понятий – как раз пренебрежение так и не понятыми «условностями», подмена неудобной «экосистемы» прямолинейной асфальтированной трассой. Да и само настойчивое противопоставление «современности» уходящему,

«продвинутой» молодежи – «предкам», не способным понять движения свободолобивой юной души, – это оно и есть: асфальтовым катком по «бездорожью» экосистемы.

Мир «прагматиков» и прочих «профессионалов» давно бы рухнул (и в том нет ни грама публицистического преувеличения), если б не разнообразная и кропотливая работа множества организаций, должностных лиц и просто энтузиастов-бессребренников по сохранению «экологического заповедника» духа, от которого так много зависит особое, «человеческое», качество жизни людей. Я имею в виду все то, что помогает сберечь историческую память народа и обогатить ею сегодняшнюю жизнь: музеи, памятники старины и исторические заповедники, фольклорные, краеведческие, генеалогические изыскания... Я имею в виду усилия мам и особенно бабушек, пытающихся привить юным чадам, вопреки развращающему давлению телевидения и улицы, навыки достойного поведения. Я имею в виду попытки лучших школьных учителей воссоздать в «теплицах» своих классов атмосферу нравственной чистоты, хотя все вокруг говорят, что за стенами школы воздух далеко не тепличный и лучше, если учеников заранее научить дышать этой отравленной смесью. Я еще имею в виду музыкантов, артистов, художников, кинематографистов, писателей, которые своим творчеством пробуждают у своей аудитории, особенно молодой, «чувства добрые» – долга, совести, чести, человеческого достоинства...

Но все это – по частям, посильно, понемножку, через противоречия, конфликты, соблазны, заблуждения, недоразумения. И далеко не всегда при этом осознается главная, общая, единая цель, на которую объективно направлены все эти разрозненные усилия: выработать у человека – у каждого из нас, если мы только хотим оставаться людьми! – ощущение мирового порядка, которому не можем, не смеем, не имеем права, а главное – желания противопоставлять своеволие и каприз якобы свободной личности (какая уж свобода у человека, зомбированного рекламой!), но должны отнестись к нему с предельным уважением, проникнуться им; не просто почувствовать себя его частью, но почувствовать себя его воплощением и творить мир вокруг себя и собственную жизнь – каждый помысел, каждое слово, каждый поступок – так, будто именно сам мировой порядок и породил этот помысел, это слово, этот поступок.

Примерно в этом смысле художники античности и Возрождения «подражали природе»; после Канта этот же по сути подход закрепился в распространенном представлении о художнике как творящем органе природы.

Но я решусь предположить, что в этом же смысле верующий человек ощущает себя в Боге («жить во Христе») и Бога в себе. И не так уж важно, воспринимает он персонифицированного Бога через сотворенный им мировой порядок или (что, пожалуй, чаще встречается сегодня среди наиболее просвещенных верующих) отождествляет самый тот порядок с Богом. Важно изменение точки зрения, масштаба мировосприятия...

Я не стану даже пытаться описывать вот это чувство включенности в мироздание, сопричастности первооснове бытия: если эта задача и выполнима, то справиться с ней дано только поэту. Об одном лишь могу сказать с уверенностью: подняться на эту духовную высоту для обычного человека – редкий миг озарения, дающий ему ощущение счастья, совершенно не сравнимое с удовольствиями от приобретения, обладания, потребления. Это очень продуктивное отношение человека с прошлым и настоящим,

с миром людей и собственным нравственным миром. Сама возможность такого переживания дает надежду на выход из нынешнего духовного кризиса, который охватил Россию, и указывает путь.

Готов признать, что для многих людей это путь веры.

Однако, будучи убежденным атеистом, я отнюдь не считаю, что вот такое ощущение себя внутри мирового порядка и мирового порядка в себе может быть сформировано только религиозным чувством. Более того, рискну предположить (заранее сознавая в своей недостаточной компетентности в этом деликатном вопросе), что и само религиозное чувство не всегда представляет собой именно то, что о нем принято думать.

Тут я позволю себе небольшое отступление. Так случилось, что некогда нашумевший роман Олеса Гончара «Собор» (1967; первое издание на русском языке вышло уже во время «перестройки») я прочитал совсем недавно. Конечно, бросился в глаза переизбыток советских сюжетно-смысловых шаблонов. Но сквозь этот соцреалистический антураж вдруг явственно проглянуло то, что, собственно, и заставляет воспринимать Героя, Лауреата и Секретаря как замечательно талантливого писателя. Это, во-первых, яркость письма и характерная авторская интонация (о них тут говорить не место) и, во-вторых, образ старого казачьего собора.

Этот собор – давно уже не действующий храм, в нем не идут церковные службы. В трудные годы довелось ему побывать и музеем, и, как водится, колхозным овощехранилищем, теперь кто-то из начальства предлагает устроить в нем холодильник, а у шустрого местного «выдвиженца» даже появилась идея его снести. И, кажется, ни у кого из героев повествования не возникает мысли, чтоб реставрировать собор и возобновить в нем службы: все же это роман Героя и Секретаря! Но – вот сила таланта! – как-то же удалось Гончару заставить читателя почувствовать, что не в церковных службах тут дело, а в чем-то совсем-совсем другом. Вот стоит это массивное обветшалое строение, оскверненное, но не униженное, возвышаясь над всей округой, – и для всех очевидно (кроме, разве, того «выдвиженца»), что даже и в таком плачевном состоянии это не просто дом из кирпича, а воплощение самой души казачьего края. В нем воплощена история, но также и современность; в нем сконцентрировано сознание силы, достоинства и чести коренных жителей округи. Вроде бы практического смысла в его теперешнем существовании нет, а если подумать, то как раз в нем-то главный смысл здешней жизни и заключен.

Вот таким собором видятся мне сегодня и религии, укорененные в российской истории и в сегодняшней российской действительности, хотя поддержка их со стороны властей может создать иллюзию более оптимистического положения дел. Не думаю, что в обозримом будущем может быть реставрирована Святая Русь (теперь этим выражением пользуется, толкуя его на свой лад, и верховный муфтий России Талгат Таджуддин), но я не настолько «прагматичен» и «современен», чтобы отказываться от «архаичного» и непереводаемого на компьютерный язык понятия святости. Тем более что даже в советских словарях зафиксировано много очень важных смысловых оттенков понимания этого слова, лишенных религиозного привкуса: «Глубоко чтимый, такой, в котором заключено самое дорогое и заветное»; «благородный, освященный высокой целью»; «такой, который должен быть выполнен в силу своего высокого значения» и т. п.¹⁸ Без ощущения такой вот святости всего, что составляет для нас понятие родины, отечества, раз-

решение глубокого (я бы даже сказал: цивилизационного) кризиса, в котором нынче пребывает Россия, на мой взгляд, невозможно. Вот вам и предмет для конструктивного диалога и сотрудничества атеистов (к которым без колебаний причисляю и себя) с верующими, многие из которых тоже совсем недавно были атеистами, а сегодня усмотрели в вере силу, способную противостоять распаду и злу.

А какие истины можно обрести в таком диалоге, какие сделать общие дела – это уже предмет особого разговора.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 282.

² Руткевич М. Н. Диалектический материализм: Курс лекций для философских факультетов. М., 1973. С. 13.

³ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 18. С. 84.

⁴ Помню блестящий доклад академика С. С. Шварца о значении диалектического материализма для естествознания, прочитанный им на философском факультете УрГУ, если память не изменяет, где-то в самом начале 70-х годов. Мое воображение поразил тогда главный вывод, который не был произнесен докладчиком вслух, но логически вытекал из всего сказанного (не думаю, что мне помешало): диалектический материализм естествознанию категорически не нужен!

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 4.

⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 391.

⁷ Джеймс У. Введение в философию; Рассел Б. Проблемы философии. М., 2000. С. 76.

⁸ Пьер Бейль (1647–1705) – французский публицист и философ, получивший известность, в частности, своими доводами относительно независимости морали от религии.

⁹ Ле-Дантек Ф. Атеизм. М., 1930. С. 43.

¹⁰ Там же. С. 78.

¹¹ Там же. С. 17.

¹² Там же. С. 35.

¹³ Религия, образование, культура: необходимость диалога. Форум интеллигенции. Уфа, 24–25 ноября 2000 г. М., 2001. С. 21, 23, 40.

¹⁴ Там же. С. 24.

¹⁵ Там же. С. 21.

¹⁶ Там же. С. 110.

¹⁷ Там же. С. 150.

¹⁸ Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1984. Т. 4. С. 59.